

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ В СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА ДЯТЛОВА

Исторически сложилось так, что востоковедение в России всегда было столичной наукой. Казань, Петербург, Москва, Улан-Удэ или Владивосток, где изучались восточные языки, хоть на миг, но оказывались столицами. В провинциальные города, каким всегда был Иркутск, ориентализм случайно, спорадически заносился чрезвычайными обстоятельствами, наподобие революции или эвакуации. Как правило, глубинка оказывалась не вполне благоприятной средой для этой сферы знаний.

Такая закономерность, проявившаяся в научной географии России, отчасти воспроизводит то разделение, из которого некогда возник ориентализм, имевший в своих основаниях противопоставление Востока и Запада. Первый представлял некую всемирную провинцию, деревню, колонию, тогда как сторона заката мыслилась столицей, городом, метрополией. Изучение изменчивого неравенства, сложившегося между ними, выделение центров развития и пассивной периферии, преодолевающей свое убогое состояние, являлось важной темой в востоковедении XX в.

Одним из исследователей Востока, представлявших в этой науке российскую глубинку, оказался профессор Иркутского государственного университета Виктор Иннокентьевич Дятлов. Если внимательно рассмотреть его жизненный путь, то можно отчетливо различить траекторию центростремительного движения из села Голуметь, где он родился, в районный город Черемхово, потом в Иркутск, далее в Ленинград, столицу «с провинциальной судьбой» и, наконец, в Москву, которая была в советское время столицей всех столиц.

Это движение с Востока на Запад, проявившееся в индивидуальной судьбе, очень важно для понимания глубинных процессов отечественной истории. Оно также помогает осознать особенности развития науки на просторах отечества. В России возможность приобретения имени всегда зависела от преодоления расстояний, отделяющих безымянную провинцию от именитой столицы. Постоянное перемещение между ними, жизнь в промежутке – характерная черта профессиональной деятельности профессора Дятлова.

Виктор Иннокентьевич родился 20 января 1949 г. в селе Голуметь Черемховского района Иркутской области. Послевоенное детство в Сибири предлагало единственный способ приблизиться к сокровищнице знаний, приобретенных и вопреки всему сохраненных человечеством. Таковую возможность давали книги. Движение в науку началось как долгий путь через все село в библиотеку. Когда семья переехала в шахтерский город Черемхово, подросток сохранил увлеченность чтением, которое позволяло преодолевать любые расстояния и перемещаться в воображаемых пространствах и временах.

По окончании средней школы В. И. Дятлов в 1967 г. поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. В истории этого учебного заведения, созданного в 1918 г., заметную роль сыграли столичные ученые, заброшенные в Сибирь революцией, а потом и Великой Отечественной войной. На историческом факультете традиции классической университетской культуры в 60-е гг. XX в. представлял С. В. Шостакович, возглавлявший кафедру всеобщей истории.

Через много лет вспоминая свои студенческие годы, Виктор Иннокентьевич в ноябре 2000 г. писал: «...Самое важное, пожалуй, чем я обязан Сергею Владимировичу – это в студенческие годы неясным ощущением, а позднее осознанным убеждением, что мы – варварское общество. Сама его личность отчетливо свидетельствовала, что это человек не просто другого поколения, но другой эпохи, другого мира – мира цивилизации. Я отчетливо представляю, что ни по классу, ни по уровню, ни по кругозору, ни мы, ни наши ученики (скорее всего) этого уровня не достигнем. Но есть планка, точка отсчета, цель, к которой можно и нужно стремиться»¹.

Осознание своего варварства, возникшее при соприкосновении с «миром цивилизации», способно побудить к действиям, направленным на его преодоление. Если обратиться к историческим аналогиям, то можно вспомнить пример интеллигенции колониальных стран. Ощущение собственной отсталости, неполноценности наряду с признанием превосходства культуры метрополии лежало в основе ее мироощущения и являлось важным признаком, так называемой, маргинальной личности. Стремление к независимости, определившее ход истории Востока в XX в., в значительной мере питалось таким чувством и осуществлялось упомянутой социальной группой. Студент Дятлов узнавал об этом из

лекций по новейшей истории стран Азии и Африки, которые помогли ему обрести тему дипломной работы, найти своего исторического героя. Гамаль Абдель Насер и революция 1952 г. в Египте оказались в центре его внимания.

На историческом факультете в те годы успешно работал кружок международников, которым руководил Мирон Акимович Бендер. Он стал научным руководителем студента Дятлова. Занятия в кружке давали доступ к массивам той информации, которую невозможно было получить иным путем. Они формировали в студентах привычку фиксировать события и систематизировать процессы текущей истории. Выступая в качестве лекторов общества «Знание», кружковцы оказывались в разных аудиториях: в академических институтах, в заводских коллективах, на фермах, на автобазах. Это была своеобразная и очень важная школа жизни. Вспоминая то время, Виктор Иннокентьевич с благодарностью признается: «Моим учителем и человеком очень для меня близким был Мирон Акимович Бендер»². Он помог провинциальному студенту приступить к исследованию арабского мира. По его рекомендации кафедра всеобщей истории направила выпускника Дятлова с Востока на Запад, чтобы в столичных университетах он смог стать квалифицированным востоковедом.

Осенью 1972 г. началась его стажировка на восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Академик В. М. Алексеев, в 1898–1902 гг. обучавшийся в этом учебном заведении, которое вместе с городом претерпело несколько переименований, писал: «Востоковедение есть комплексная наука или, точнее, комплекс разных наук, изучающих восточные страны при помощи восточных текстов»³. Восточные языки, не преподававшиеся в сибирском вузе, могли оказаться инструментом дискриминации провинциала. В течение года В. И. Дятлов упорно занимался арабским языком. Когда закончилась стажировка, он направился в Москву, и осенью 1973 был зачислен в аспирантуру Института стран Азии и Африки при МГУ.

В то время в столице работало второе поколение московских востоковедов советского периода. П. М. Шаститко писал о них: «Московские востоковеды второго поколения – дети Великой Отечественной и трудных послевоенных лет. Их юность опалена войной, а начало научного пути вдохновлено первыми ударами по сталинскому догматизму. Они писали и в безрадостные, унылые,

безликие годы застоя. Однако последнее обстоятельство не дает основания называть их нереализовавшимся поколением. Даже самое застойное время дает дерзким шанс»⁴.

В Институте стран Азии и Африки В. И. Дятлов работал под руководством Фарида Мустафовны Ацамбы и консультировался у Леонида Абрамовича Фридмана. Они были учениками В. Б. Луцкого, «...талантливого и во многом еще по-настоящему не оцененного ученого, воспитавшего плеяду арабистов, в разное время бывших его студентами и (или) аспирантами: Ф. М. Ацамбу, Н. А. Иванова, Н. Г. Калинина, Л. Н. Котлова, Ш. Н. Курдгелашвили, Н. С. Луцкую, Л. И. Надирадзе, Е. М. Примакова, Б. Г. Сейраняна, И. М. Смилянскую, И. М. Фильштинского, Л. А. Фридмана»⁵.

Через своих учителей выпускник провинциального университета смог войти в исследовательское поле востоковедных исследований и подняться на тот высокий уровень, который отличал стольную науку о Востоке. Важные характеристики времени и масштабы задач, которые довелось тогда решать ученым, хорошо представлены в следующем высказывании: «Второму поколению московских востоковедов пришлось взять на себя смелость и ответственность исследовать и оценивать изменившуюся политическую ситуацию в регионе. Делать это было трудно не только из-за новизны, уникальности и запутанности процессов на Востоке, но и из-за давившей на них догматической школы прошлых лет, “внутренней цензуры”, да и необходимости преодолевать (что там говорить!) собственную робость, имевшую оправдание. Одни ученые были детьми репрессированных родителей, другие в сталинское время сами подверглись депортации, третьи имели в анкете пресловутый “пятый пункт” Но, к чести большинства из них, они сумели преодолеть эту “полосу препятствий”»⁶.

Московское востоковедение в большей мере, чем ленинградское, было ориентировано на социально-экономические исследования, на разработку общей теории общественного и политического развития стран Азии и Африки. Концептуальная эволюция отчетливо прослеживалась в нем в 70–80-е гг. XX в. Именно изучение развивающихся стран заставляло более решительно преодолевать прошлые догмы. Марксистская методология пересматривалась в этой сфере знаний более радикально, чем в других общественно-политических и исторических науках.

Хотя теоретической основой советского востоковедения в 70–80-е гг. по-прежнему был марксизм, однако, в сравнении с 50–60-ми гг., значительно изменилось его восприятие и использование. В предыдущие десятилетия он сохранял идеологическую сакральность и не применялся в качестве рабочего инструмента. 70-е годы характеризуются поисками утилитарных возможностей учения Маркса, которое стали не просто провозглашать, но анализировать. Из своеобразного «священного писания» оно превращалось в «большую теорию», практически используемую для нужд науки. Подтверждением этого оказывалось распространенное в 70–80-е гг. обращение к раннему творчеству этого человека, стремление понять истоки и логику развития его идей, освобожденных от идеологических пут.

Подобное отношение к марксизму ясно просматривалось, например, в книге Н. А. Симонии «Страны Востока: пути развития», которая вышла в 1975 г. и нарушила многие каноны, принятые тогда. Главной сложностью в современном востоковедении автор считал то, что гигантский объем разнородного восточного материала не вмещался в узкие рамки какой бы то ни было одной схемы. Трудно было представить его в виде целостной социологической концепции общественного развития стран Востока. Специфика, разнообразие восточных стран и культур подталкивала к поиску новых идей, интерпретаций, теорий.

Одна из центральных проблем в науке о Востоке была связана с пониманием формационной природы развивающихся стран. Разработка этой тематики привела к появлению обобщающих работ. Помимо книги Н. А. Симонии таковыми были коллективные монографии: «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» (1974), «Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств» (1976), «Экономика развивающихся стран: теория и методы исследования» (1979), «Зарубежный Восток и современность» (1981), «Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие» (1983), «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (1984).

К 70-м годам значительно увеличились контакты с западной научной традицией, с другой языковой культурой. Проживая в по-другому называемом мире, советские исследователи неизбежно должны были решать задачу перевода, предполагавшего со-

поставление и понимание чужого интеллектуального опыта. Западные теории оказывались одной из возможностей знакомства и восприятия иной традиции. Создавался некий новый сплав из разных языков мысли, во многом освободившийся от идеологической зависимости, независимый от власти.

Весьма распространенный в советских общественных науках жанр критики в работах востоковедов в 70–80-е гг. претерпел кардинальное изменение. Вместо непрямого «разоблачения буржуазных фальсификаций» исследователи стали пытаться понять иные подходы и методы, выяснить решаемые там вопросы. Обращавшиеся к западным теориям авторы допускали правомерность другого и разного вопрошания, признавали разумность чужих ответов. Их концептуальная ясность позволяла обнажать механизмы манипулирования массами, лозунгами, идеями или символами, которые спускались вниз в виде идеологии. В 80-е гг. имена цитируемых западных теоретиков зачастую оказывались количественно преобладающими. М. Вебер, Р. Гильфердинг, Д. Гобсон, А. Грамши, В. Зомбарт, С. Эйзенштадт, Г. Мюрдаль, К. Герц, А. Тойнби, С. Хантингтон, Дж. Гэлбрейт, Р. Ф. Харрод, Дж. М. Кейнс, Й. Шумпетер, Н. Кальдор, – их концепции начинали вытеснять привычные ссылки на К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Важные черты ситуации, переживаемой тогда советским востоковедением, отметил П. М. Шаститко: «В научный оборот была введена масса принципиально новых источников. Возросли требования к знанию восточных языков, что было слабой стороной первого поколения московских востоковедов. Без учета работ афро-азиатских научных школ ориенталистика уже не могла существовать. Она обрела новую базу, новый исходный рубеж. Во вторых, у отечественных востоковедов фактически впервые появилась возможность совершать научные командировки в изучаемые страны, работать в национальных архивах, встречаться с восточными коллегами и вести полевые исследования. Объект исследования наконец-то утратил книжную абстрактность, обрел плоть и кровь. Значение этого обстоятельства трудно переоценить»⁷.

Аспирант В. И. Дятлов, находившийся в столице в 1973–1976 гг., оказался в эпицентре происходивших изменений. Ему предстояло спешно и в основном самостоятельно познакомиться со многими социологическими и политологическими теориями, которые были влиятельными в кругу столичных востоковедов. Кроме того, он

должен был погрузиться в огромный массив египетской статистики. Навыков подобной работы и необходимых экономических знаний не было у выпускника исторического факультета ИГУ. Кропотливая работа, усидчивость и сила воли каждодневно помогали ему преодолевать провинциальную ограниченность своих востоковедных знаний и умений. Эти качества, а также постоянное требовательное внимание со стороны научного руководителя Ф. М. Ацамбы позволили В. И. Дятлову успешно завершить аспирантуру. В специализированном совете ИСАА при МГУ он 29 июня 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Национальная, иностранная и инациональная буржуазия в Египте накануне революции 1952 г.».

Вернувшись в Иркутск, В. И. Дятлов в течение следующих двух десятилетий работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры всеобщей истории Иркутского государственного университета. Однако связи с Москвой не прервались. Ежегодно, и даже по несколько раз в год, он отправлялся в столицу. Во многом это было возможно благодаря особой атмосфере, существовавшей на кафедре в те, еще советские, времена. Он вспоминал: «Меня регулярно отпускали на стажировки, находили всяческие возможности, чтобы отправить в командировки – и кафедра работала за меня, брала на себя мою нагрузку. И это происходило как нечто само собой разумеющееся»⁸. Благодаря такой заинтересованности коллектива кафедры ее воспитанник смог обрести имя в столице.

Коллеги связывали с этим динамичным, ориентированным на современное знание человеком надежды на то, что он сможет задавать и поддерживать высокий уровень столичного востоковедения на историческом факультете провинциального университета. Однако в те годы восточные языки не изучались в провинции. Без них ориентализм был невозможен. Ситуация не была столь безнадежной, поскольку изучение стран Азии и Африки в конце XX в. главным образом развивалось в русле междисциплинарных исследований, на стыке социологии, политологии, истории, этнологии, экономики и других наук.

Некоторые особенности педагогических установок В. И. Дятлова позволяет определить составленная им в 1982 г. программа семинарских занятий по «Новейшей истории стран Азии и Африки». В ней автор писал: «Принципиально важно то, что студен-

ты работают самостоятельно, анализируя источники и литературу, а затем обсуждая их на занятиях. Этим достигается не только более глубокое знание ими конкретного вопроса, но и приобщение их к атмосфере научного поиска, дискуссии, что в свою очередь может и должно служить развитию привычки и навыков теоретического мышления. (...) Абсолютно необходимо, чтобы они могли (или, по крайней мере, пытались) выделить и поставить проблему, определить ее место, роль и значение в общей проблематике курса, проанализировать имеющиеся разногласия и противоречия, четко сформулировать суть различных концепций и свое отношение к ним. Этой цели и должно служить изучение конкретного фактического материала»⁹.

Проблемный подход, внимание к теоретическому мышлению, к умению сформулировать вопрос были характерны для методики преподавания, для научных исследований и в целом для той интеллектуальной атмосферы, которая существовала тогда на кафедре всеобщей истории.

Однако время всеобщей истории закончилось в 90-е гг. XX в. Вместе с ней иссякла воля к систематизированному знанию, которое прежде помогало понять целостность еще не распавшегося мира. Расщепленность, фрагментарность, индивидуализм, сменивший прежнюю общность и коллективность, проявлялись в ту пору не только в отношениях между людьми. В общественных науках и в истории также стал преобладать интерес к отклонениям от прежних норм, внимание к частностям, деталям. Вместо былых обществ, классов, культур в центр внимания исследователей вышли субкультуры, диаспоры, разнообразные меньшинства.

Многие исследователи, занимавшиеся историей Востока и Запада, обратились к современной российской тематике, которая была востребована и поощрялась новыми источниками финансирования. Подобно тому, как в 50–60-е гг. XX в. возникновение независимых государств в Азии и Африке создало широкие перспективы в науке о современном Востоке, так и превращение советских республик в новые государства стало толчком к их изучению, к сбору фактического материала. Российская провинция также давала богатый фактический материал для описания переселенческих потоков, пронизывающих ее, и для фиксации конфликтов, вызываемых ими.

Такие перемены сказались и в научной деятельности В. И. Дятлова. 15 декабря 1995 г. в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова он защитил докторскую диссертацию «“Торговые меньшинства” стран Арабского Востока и Тропической Африки». Через несколько лет, 17 марта 1999 г., им было получено научное звание профессора кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, возникшей на месте той, которая своим названием напоминала о всеобщности исторических судеб.

Новая тематика увлекла профессора Дятлова. Диаспоральность, миграции стали предметом его изучения. Ныне он является директором Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместителем главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры» (Москва), членом редакционного совета журнала «Международные процессы» (Москва). Он участвовал в коллективных и индивидуальных исследовательских проектах, поддержанных Московским Центром Карнеги, Фондом ИНТАС, Фондом Макартуров, Фондом Форда, Фондом Розы Люксембург. Легко заметить, что капиталисты и революционеры, боровшиеся когда-то друг с другом, наконец объединились в желании финансово поддержать исследования Виктора Иннокентьевича.

Ныне сферой научных интересов В. И. Дятлова является сравнительное изучение диаспор, «торговых меньшинств». В настоящее время основной объект его исследований представляют процессы формирования китайской диаспоры в России, а также положение выходцев с Кавказа и из Средней Азии в российской провинции. Он – автор около 150 научных публикаций на русском, английском и арабском языках.

Таким образом, научная деятельность и интеллектуальная эволюция профессора Дятлова происходили в русле процессов, протекавших в российском востоковедении. Его постоянное перемещение между столицей и провинцией было плодотворным, поскольку позволяло донести в Сибирь отголоски концептуальных перемен, происходивших в центрах отечественной, а потом и мировой мысли.

Примечания

1. *Дятлов В. И.* О моих учителях // Памяти профессора Сергея Владимировича Шостаковича. Воспоминания и научные статьи. К 100-летию со дня рождения. Иркутск : Отгиск, 2002. С. 49–50.

2. Там же. С. 49.
3. *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 191.
4. *Шаститко П. М.* Предисловие // О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов. М. : Наука ; Вост. лит., 1994. С. 3.
5. *Ланда Р. Г.* Николай Алексеевич Иванов. Личность. Историк. Время // Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М. : Вост. лит. РАН, 1997. С. 10.
6. *Шаститко П. М.* Указ. соч. С. 8.
7. Там же. С. 8–9
8. *Дятлов В. И.* Указ. соч. С. 49.
9. Дятлов В. И. Новейшая история стран Азии и Африки : метод. рекомендации. Иркутск : ИГУ, 1982. С. 3–4.

КОВРОВ В. Ф.

О ВЛИЯНИИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ «ОРГАНИЗАЦИОННОЙ» СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБЩЕСТВА

В системе взаимоотношений сознания и поведения субъективные условия существования вызывают политическое поведение, порождающее определенную политическую ориентацию. В свою очередь, политическое поведение может стать фактором, способным видоизменить объективные условия.

Поэтому, говоря о социологической детерминации электорального поведения, можно указать, что к первичным объективным условиям существования относится социальное происхождение индивида, которое обусловлено следующими компонентами:

- местом социальной группы, к которой принадлежат избиратели в социальной иерархии;
- роль семьи в системе общественного производства, их статус;
- уровень жизни семьи и его соотношение с уровнем жизни смежных социальных групп.

«Организационная» социальная составляющая общества может быть представлена следующими наиболее распространенными образованиями: профессиональными, образующимися в результате взаимодействия лиц по месту работы; общественными организациями, а также структурами по месту жительства. Наиболее высокую эффективность обычно дает работа по формированию электорального поведения в профессиональных структурах, однако ее возможности ограничены демографической ситуа-